

Валерия Ганчо

18+

Шоколад под дождём

Валерия Ганчо

Шоколад под дождем

«Издательские решения»

Ганчо В.

Шоколад под дождем / В. Ганчо — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-933907-2

Однажды я приехала в Бельгию по странному стечению обстоятельств. Как человек любопытный, я решила потратить свое свободное время в этой стране, чтобы посетить 8 городов. Каждый подарил мне один кулинарный рецепт, познакомил меня со своим «Хранителем» и своим настоящим Бельгийским шоколадом. И вот что из этого вышло...

ISBN 978-5-44-933907-2

© Ганчо В.
© Издательские решения

Содержание

– Монтени	7
ПОСВЯЩАЕТСЯ С. дивной, близкому другу	8
Где живет глагол «trouver»?	9
За три недели до путешествия	10
Монтени, Шарлеруа и гусь, спасший и Рим, и меня	13
Яблочный пирог с изюмом и миндалем от Марселины	18
Шарлеруа	20
Рецепт«Croque Madame»	23
Здравствуй, Брюссель!	25
Или как я не шла «писающего мальчика»	26
Конец ознакомительного фрагмента.	30

Шоколад под дождем

Валерия Ганчо

© Валерия Ганчо, 2020

ISBN 978-5-4493-3907-2

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

- Автор: Валерия Ганчо
- Редактор: Светлана Дивная
- Иллюстрации художника: Марины Яндоленко

- @ Ганчо Валерия
- «Шоколад под дождем». 2018г.

· Книга о путешествии по бельгийским городам. Включает сборник рассказов о восьми бельгийских городах, а так же рецепты восьми бельгийских блюд с полным описанием изготовления.

Здравствуйте!

Вы бывали в Бельгии?

Если нет, то давайте отправимся в эту удивительную страну вместе. Обещаю, что вы испытаете эффект личного присутствия – даже если от Бельгии вас отделяют несколько тысяч километров. Как? О, мне удалось завести там полезные связи с... Хранителями, Духами восьми бельгийских городов. Скажете: «Ерунда, писательский вымысел!» Нисколько! Увидев мой искренний интерес, Хранители городов открывали известные им потаенные места, которые не замечает ошалевший от потока информации массовый турист. Дарили незабываемые вкусы, присылали своих «помощников» в самых разных затруднительных ситуациях, и уж не знаю, что шептали на ухо официантам, владельцам бельгийских кафе и неприступным шеф-поварам,

чтобы те без утайки делились со мной собственными секретными рецептами вкуснейших блюд Бельгии. А я поделюсь ними с вами, уже адаптировав рецепты для наших домашних кухонь. Искренне надеюсь, что вы отправитесь в путешествие по Бельгии, что бы открыть для себя эту потрясающую страну.

С уважением, Валерия Ганчо.

– Монтени

ПОСВЯЩАЕТСЯ С. дивной, близкому другу

Где живет глагол «trouver»?

Я совершенно уверена, что путешествовать необходимо в одиночестве – без карт города и предварительного изучения достопримечательностей на туристических сайтах!

Не готовьтесь к чуду, предоставьте городу его законное право удивить вас, продемонстрировав все свои сокровища!

Во всяком случае, на первое рандеву необходимо прийти без карты, родственников и друзей – их лучше оставить дома, их присутствие, когда вы впервые прошепчете «Здравствуй, это я!» незнакомому до этого момента городу, по крайней мере, неуместно. Читать книги и исследовать города – действия, требующие вашего одиночества: и те, и другие – эгоисты, им нужны вы полностью без остатка, и если условия сделки будут выполнены, то вам будет позволено стать полноправным участником действия, слегка отогнув бархатный занавес и нырнув в удивительный мир, сотканный из фантазий, воспоминаний, запахов и звуков. И самый щедрый подарок, на который можно рассчитывать в такой игре – это знакомство с Хранителем.

Ох, какие же они разные, эти хранители, но именно они решают, каким будет их город.

Путешествия – не наш выбор. Безусловно, это мы приобретаем билеты на самолет, страховки, планируем отпуск, отдаем на хранение соседкам цветы и кошек, но это лишь те действия, которые приводят нас к трапу самолета, усаживают в купе поезда, либо же пристегивают к сиденью в автомобиле. Путешествия выбирают каждого сами, совершенно не заботясь о том, что была другая мечта и в ней – другое время года и другой город.

За три недели до путешествия

Шел дождь, такой уютный, теплый, не осенний, он оставлял ямки в песке на пляже, вычерчивал лужицы на белой тротуарной плитке и совершенно никому не мешал. Дождь был как бы на работе: прибирал после лета городок, мыл его улицы, переулки, площади, трудился, одним словом. Спрятавшись под большим зонтом на уличной площадке, закутавшись поудобнее в пончо, нахохлившись, словно воробей, мне было очень уютно сквозь тончайшую завесу из дождевых капель наблюдать за приливом, помешивая автоматически ложечкой с длинной ручкой кофе в граненом стакане.

«Глагол „trouver“ – находить, почему же все-таки находить, такая вычурная форма вопроса... Странно...»

...Одесса, 80-ые. Январь. Воскресенье.

Мне 14 лет, и я первый и последний раз общаюсь с франкоговорящими туристами. На мне старая мерлушковая шуба а-ля «леопард» с разноцветными пуговицами и очень приличные сапоги из «торгсина». Переводчик с греческого из «Клуба моряков», друг семьи, ставит меня перед фактом, что бельгийской паре – старшему помощнику капитана (в дальнейшем, сокращенно «старпом») с супругой – необходим гид по городу и кто, как не я, должна помочь им в этом знакомстве.

– В конце концов, ты учишься во французской спецшколе и ни разу не общалась с живыми носителями языка!

Мне безумно страшно. И, к тому же, стыдно за свою шубу и проклятые пуговицы. Они не просто разного цвета, они вообще разные по размеру и материалу – эти пуговицы появлялись на шубе постепенно, в самые критические моменты, пришивались разными нитками и, в конечном итоге, явили миру совершенно удивительную комбинацию с мехом.

Я боюсь только одного – сделать кучу ошибок в речи, неправильно выставить формы глаголов, перепутать времена и артикли, в итоге ошибаюсь еще больше. Мне всё не дает покоя моя шуба. Я смотрю на неприветливый, пустой, холодный, слегка припорошенный снегом мрачный город глазами бельгийцев и понимаю, что он некрасив и скучен, отчетливо слышу саркастиче-

ские замечания в адрес моей экскурсии от своей преподавательницы французского и мечтаю исчезнуть. Но так как это невозможно, то, по крайней мере, хотела бы идти молча рядом с этой парой, прикинувшись невидимкой. Я продолжаю рассказывать им о французских основателях города, о промышленности, населении, звезде города-героя... Наконец наша последняя точка путешествия – Музей западного и восточного искусства. Супруги оживляются – то ли от возможности хотя бы час провести в тепле, то ли от желания найти произведения бельгийских художников. Мы приступаем к поискам, вчитываясь в медные таблички под каждой картиной. И тут перед нами возникает огромное полотно «Возвращение блудного сына». Впечатлившись увиденным, бельгийцы просят перевести название, но слово «блудный» заставляет меня пуститься в длинные рассуждения о юноше, который ушел из дома, потом пришел. В глазах дамы читается легкая ирония – в отличие от меня ей прекрасно известен сюжет.

– Tu trouves?

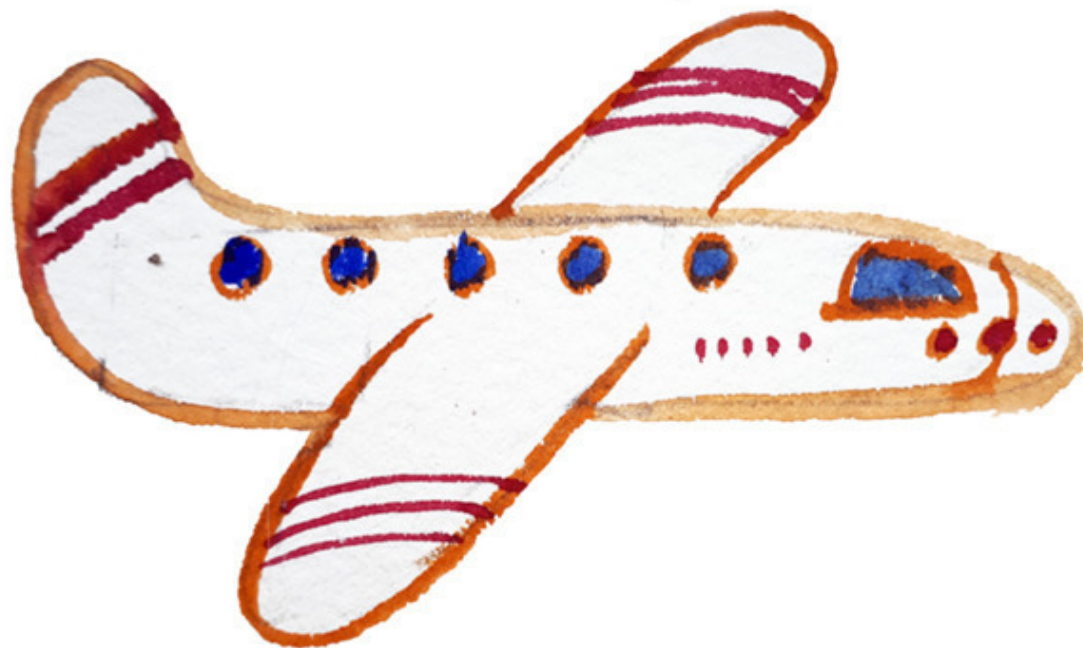
«Находит? Но что она имеет в виду? „Нахожу ли я“ – такой оборот речи. Как красиво, как из книги... Прямо „Война и мир“...»

– Да, – неуверенным голосом, оправившись от шока, произношу я и пытаюсь отойти от картины.

«Trouver», почему же все-таки «trouver»? Что же она имела в виду?»

Эта давняя мысль вновь посещает меня, пока я пролистываю на телефоне фотографии Брюсселя и восхищаюсь его золотой площадью.

Три недели спустя. Лиссабон. Аэропорт

Я стою в очереди и не в силах поверить, что это я лечу в Брюссель – спонтанно, без всякой подготовки, без знания страны. И вновь французская речь: изящная, симпатичная женщина, не дав мне опомниться и включить внутреннего цензора ошибок, заваливает меня историей своей семьи. Я уже знаю о ней слишком много: родилась и выросла в Конго, родители работали в Бельгии по контракту – архитекторы, вышла замуж, три дочери, провожает ее внучка от младшей, добились из Кашкайша на машине, боялись опоздать из-за пробок.

Очаровательная девчушка с круглым пузиком, на котором отказались застегнуться джинсы, вертится возле бабушки и без остановки что-то тараторит, игнорируя замечания папы.

– Теперь у меня три путешествия в году – нужно всех навестить. А Брюссель вам понравится! Очень люблю этот город. Мне 10 минут от аэропорта и я дома! Так нужно ли доплачивать за багаж, и сколько?

Доплачивать приличную сумму нужно было мне тоже. Мы постояли еще в очереди, потом в другой и наконец растворились в недрах самолета, пожелав друг другу удачи.

Каков Брюссель с высоты птичьего полета? Оказалось, что в отличие от Лиссабона, он линейный, не забрызганный золотой краской огней, а разделенный яркими золотыми нитями на квадраты, прямоугольники и даже сложные пяти- и шестиугольники...

Брюссельский аэропорт встретил меня коврами, плюшевыми диванами и роскошными магазинами. Его главный архитектор отнюдь не страдал аскетизмом и не был последователем Ле Корбюзье – тенденции последнего легко можно найти в лиссабонском аэропорту с каменными скамейками для ожидающих, туннелями непонятного назначения и серыми стенами.

Для отдыха здесь продумана каждая деталь. Комфортно должно быть не только спине, ногам, рукам, но и глазам – они должны видеть красоту и изящество – а для этого длинные серые бархатные диваны, напоминающие капли, расположены внутри магазинов, или же магазины расположены внутри зон отдыха.

Шаги и грохот пластиковых колесиков «аэр-бэков» скрывает ковровое покрытие – ничто не должно раздражать усталого путника. Зная эту особенность, в брюссельский аэропорт хочется приехать за три-четыре часа до вылета, чтобы поваляться на его диванах, медленно поедая шоколад.

Меня встречает пастор.

Темнокожий мужчина в огромных очках сильно жмет мне руку, и мы выходим в бельгийскую ночь.

– У меня отличное зрение, а очки для имиджа. У меня их около 10 пар. На службу одни, на встречу другие – я должен быть презентабельным. У меня такая работа! Несу свет Иисуса людям!

Будущий пастор родился и вырос в Брюсселе, история умалчивает, каким образом он очутился сначала в Киеве, а затем в Одессе, где, встретив на 4 курсе холодильного института свою любовь родом из Ананьева, женился на ней, и по окончании института уехал... проповедником в Крым, где счастливо жил с женой и пятью детьми в Севастополе до печальных событий. Вернувшись в Бельгию, пастор поселился на границе с Нидерландами, быстро организовал приход и нашел почитателей своих талантов в лице местных меценатов. А его супруга, не прекращая пребывать в счастье и восторге от удачно сложившихся обстоятельств, родила шестого по счету ребенка.

За окном автомобиля, скользящего бесшумно по трассе, проплывают леса с горящими фонарями. До сих пор не понимаю, зачем свет в диком лесу ночью: во-первых, это мешает зверю спать, а во-вторых, грибники на тихую охоту на ночь глядя не выходят. Под религиозные песнопения с дисков и неспешную беседу на двух языках въезжаем в городок.

Очевидно, здесь жил Кай, пока его не нашла Герда – четкие ровные улицы с одинаковыми двухэтажными домами. Может утром, при дневном свете, все будет выглядеть совершенно по-другому?

Монтени, Шарлеруа и гусь, спасший и Рим, и меня

По одному маленькому городку судить обо всей стране категорически нельзя! Но вот создать поверхностные впечатления можно.

Я в пригороде Шарлеруа. Название этого крупного города мне пока еще ни о чем не говорит. Сам городок, где я буду жить все это время, имеет милейшее название Монтени. Но уже через несколько минут после знакомства с ним я понимаю – благозвучное название, пробуждающее в душе приятные ассоциации с летом и бабочками, не имеет совершенно ничего общего с реалиями.

Воскресенье. Самый ужасный день в Бельгии для туристов – не работает ничего, кроме транспорта, даже аптеки. Заболел? Потерпи, дружок, до понедельника.

Идет дождь, порывы ветра швыряют в лицо колючие капли и жухлую листву. Пустой город с кладбищенской тишиной не тревожат звуки машин и автобусов: от отсутствия людей, от закрытых кафе и магазинов в душе рождается паника, а за ней просыпается страх. Радиальная система улиц только усиливает этот эффект, и в какой-то момент возникает острое желание в первую очередь купить мел, чтобы поставить на одинаковых дверях крестики для ориентира. Улицы, уходящие в никуда, не заканчивающиеся ничем – ни парками, ни скверами, ни площадями. Дома в два этажа из бордового кирпича – ни одного дерева, ни одного чахлого кустика – ни на тротуарах, ни за чугунными оградами маленьких двориков. Случайный прохожий упирается носом в накрахмаленные оконные кружева – настолько узки тротуары. Одним словом, площадка для съемок фильма ужасов. Впоследствии я нашла еще парочку таких городков, которые кажутся страшными только на первый взгляд и которые, как это ни парадоксально, совершенно безопасны для проживания.

Кто же спасает местное население в случае, если солонка пуста? Турецкие магазинчики. Набор продуктов ужасен по составу: пройдя вдоль рядов, возникло стойкое ощущение, что вся химическая промышленность Европы свозит в эти магазинчики все, что не было продано либо же просрочено – молочный отдел здесь величиной с мизинец, зато выбор пластилиновых сладостей с двадцатью Е в составе впечатляет. Цены в сравнении с Португалией огромны.

С племянницей хозяйки жилья, где я буду жить все эти недели, возвращаемся совершенно другим путем, что запутывает меня окончательно.

Наш домик расположен в отдельном секторе – это район социального жилья, по иронии судьбы он разительно отличается по своему благоустройству от элитного района Монтени. В нем есть широкие улицы, лужайки и внутренние дворики, где сейчас спят фруктовые деревья, а в тепличках проклюнулись шпинат и лук-шалот. Но, согласно своему низкому социальному статусу, жить здесь не престижно и даже опасно. Таково мнение местного населения, основанное на слухах, датированных семидесятыми годами прошлого века.

Такие строения не так уж и плохи: первый этаж – это крошечная прихожая, далее салон, около 30 квадратных метров, и кухня. Кухонная плита работает на баллонном газе – естественное явление, как и для Португалии. Гостиная выходит огромным окном и альпийской дверью во внутренний дворик. Из кухни лестница ведет в подвал, он же гараж – такими гаражами не пользуются, машины оставляют на улице, а сами помещения давно переделаны под прачечные и кладовки. Второй этаж – это три маленькие комнаты по 9—14 кв. метров каждая, ванная комната и туалет. Счётчик отопления расположен снаружи в железном коробе: чтобы в доме было тепло, необходимо просто купить карточку, ввести пин-код и котел включается. В месяц с отоплением такой домик стоит 210 евро. Его нельзя завещать или дарить родственникам, в случае смерти хозяев дом отходит государству и в него вселяют новых жильцов.

Мы возвращаемся домой с турецкими трофеями в виде курицы, кус-куса, яблок, кофе, картошки и печенья. Подняв воротники пальто и закутав носы в шарфы, идем под присталь-

ным взглядом ротвейлера: он молча провожает нас, пока не заканчиваются его владения – дворик с прудиком, в котором плавают японские золотые карпы, и милым особняком 19 века. А вот и трехэтажный дом с выбитыми стеклами – он презентует район социального жилья. Его история печальна: дом был выстроен для беженцев, но по каким-то причинам не заселен и оставлен, а рядом с ним в понедельник продолжают стройку аналогичного здания, причем, весьма активно.

Даже страдая синдромом случайного попутчика и пребывая в пылу откровенности с людьми, которых есть гарантия больше никогда не встретить, некоторые части биографии никогда не покидают папку с грифом «секретно» и просто мысленно пролистываются. Именно так и поступила Марсель, предложив прочесть о ней очень тонкую книжку. За бокалом хорошего красного вина выяснилось, что у этой молодой женщины пятеро детей и огромное количество внуков, что в ее жизни были странные периоды и профессии – от директора школы начальных классов до повара свадебных банкетов, к слову известность и уважение в Монтени и Шарлеруа принесла ей именно эта работа. Я слушаю рассказ хозяйки моей «домашней гостиницы», наблюдаю за ней и меня не покидают две мысли: в Монтени можно запросто закончить суицидом от одинаковости, ровности, пустоты и тишины, а можно совершить идеальное убийство, о котором никто ничего не узнает... Вино спасает эту элегантную, стройную женщину, которую язык не поворачивается называть бабушкой, и примиряет с действительностью, похжей, скорее, на ватную упаковку старой фарфоровой куклы, чем на живой город.

Деньги на карточке за отопление закончились, и котел мгновенно отключился. Неожиданная неприятность, Ложимся спать в куртках, брюках, натянув по две пары носок. Вопрос с приобретением карточки можно решить только утром.

Утро, скорый завтрак из микроволновки, и вот я уже в пути. Хочу исследовать город, понять его, оценить, насколько он плох или же нет, найти городской парк, исторический центр и познакомиться с его Хранителем.

Внимание!

Не болтайте по телефону в момент знакомства с местностью – вы можете легко потеряться!

Я шла и шла, прижимаясь кое-где спиной к домам на узких тротуарах, заглядывала в окна крошечных мастерских по ремонту обуви и одежды, рассмотрела десяток парикмахерских и три пивные. А еще я обнаружила маленькую площадь с красивым зданием, напоминающим шкаф с нужными вещами – поскольку тут размещены все структуры от мэрии до полиции, медпункта и скорой помощи. Познакомилась я с молчаливым ротвейлером, который был не против, чтобы я остановилась поглазеть на рыбок в пруду и пофантазировать на счет хозяев особняка. Изумилась я аккуратно сложенным стеклянным бутылкам горлышками вниз в ящики у ворот каменного дворика, заглянула в овощные магазинчики, купила 4 мандаринки и решила, что пора вернуться. Вот и конечная точка путешествия: огромная, мрачная, страдающая одышкой и испещрённая морщинами черная громадина церкви. Ударив в колокол скорее по инерции, чем по надобности, захлопнув двери от назойливых прихожан, она уселась на краю города наблюдать небо. Я не решилась беспокоить ее своим плохим французским. Постояв, предвзвременно извинившись, рядом, я тоже посмотрела в серое небо и не найдя в нем ничего интересного в виде облаков, решила обойти храм – под пристальными взглядами бельгийских старушек, наблюдающих за мной из-за кружевных оконных занавесок. А вот и парк размером с кулачок, где спят два голых платана вместе с памятником павшим во Второй мировой, и красивый особняк в стиле барокко, больше напоминающий комод, поскольку сумел вместить сразу несколько служб: мэрию, полицию, скорую помощь, отделы образования и социальный.

Дверь, покрытая темно-красным лаком, отворилась, выпустив на улицу мадам лет семидесяти в серой узкой юбке до колена, черных чулках и кожаных туфельках на низком ходу.

Газовый шарфик, повязанный на шее, изящно дополнил аккуратную учительскую кофту из шерсти, застегнутую на перламутровые пуговицы. В руках пожилая дама несла маленькое ведерко и губку. Закрыв за собой дверь, она подошла к гаражной ролете и принялась ее мыть. Женские руки мгновенно стали красными от холода и ветра, но это даму не смутило – напротив, ее больше огорчала не погода, а пыль на ролете, которую необходимо было срочно ликвидировать.

Ориентиры были на месте, но только до перекрестка! Вот она, улица – единственная широкая улица, но что-то было не так. Вроде те же домики, но другие, и где овощной, а где собака?

Напоминалка! Помните, что потеряться в маленьком городке, особенно, если он выстроен по радиальной системе, куда страшнее, чем в мегаполисе. Не надейтесь на «авось», всегда имейте при себе бумагу с написанным адресом и телефоном места проживания, запасом фраз для просьбы о помощи, если не владеете иностранным языком. Мел не берите, но повороты запоминайте.

Оказалось, что поговорка о трех соснах имеет под собой не иносказательный смысл, а вполне конкретную основу – если вы оказались в городе, выстроенном наподобие улитки. Мой внутренний голос хохотал, напоминая, что у меня нет ни адреса Марселины, ни ее номера телефона. Отправляясь утром на экскурсию, у меня и в мыслях не было, что вечером я буду плутать без шанса выйти к своему дому.

«Каждая потеря – прорыв через стресс», – изрек кто-то из современных мудрецов. Теперь я уже могу однозначно сказать – да! Но в те мгновения было совершенно не до философии.

Минуты медленно переходили в часы, а я все пыталась понять, где же не там свернула. Людей вокруг не было, звонить в домофоны я стеснялась, обед давно прошел.

И тут передо мной возникла живая мадам! Она открывала дверь своей машины. Превратившись в стрелу, я мигом оказалась рядом и впервые за 30 лет заговорила на французском, да еще и без предварительной подготовки. Слова сложились в предложения, о формах глаголов я уже не думала и своего педагога перед глазами не видела, я просто очень хотела попасть домой. Выслушав меня, дама пустилась в долгие объяснения, что сама она из Шарлеруа, этот же городок не знает, ехала по навигатору ровно до точки, где мы и встретились. Но, несмотря на это, она оказала мне услугу, подсказав, как добраться хотя бы до ближайшего магазина.

Наблюдение! Если вы увидели задний двор супермаркета и грузовые машины, это не значит, что войти в него возможно со следующего переулка. Нет! Скорее всего, вам придется обойти полгорода, чтобы найти злополучный фасад магазина.

Доверившись незнакомке и поблагодарив ее, я отправилась в путь и уже скоро добралась до улицы, где расположились целых три магазина. Не чувствуя ног от усталости, я медленно шла вдоль, успев обзавестись нехитрым набором продуктов. И тут моя рука потянулась к плитке шоколада с милыми слониками на обертке.

– Мадам, вы так долго читаете упаковку. Что вы хотите найти на ней?

– Химию, и тут ее много...

– Да? Странно, а я всегда ищу то, что вкусно...

Вот этот молодой человек с прекрасным чувством юмора и спас ситуацию.

Что же произошло? Я просто перешла через дорогу, и как много значили эти три шага...

Когда перед глазами возник знакомый супермаркет – солнце вышло из-за туч, облака рассеялись и дождевые капли на траве превратились в сверкающие алмазы. Все это было плодом моего воображения от неопишуемой радости – еще несколько метров и я дома.

Но! Удивительно устроен человеческий мозг – как быстро он способен перестроиться, забыть о переживаниях. Еще минуту назад события нескольких часов блуждания по пустому городку казались мне катастрофой, но стоило обнаружить знакомые ориентиры, грандиозная проблема уменьшилась до незначительного приключения, которое могло бы и забыться, если бы не...

Обнаружение огромного отдела бельгийской молочной продукции ввело меня в ступор, хотя логично было бы предположить, что если в стране дождь идет и идет, следовательно, трава растет и растет, а коровы пасутся и пасутся. Какой вывод напрашивается? Молочных продуктов должно быть ну очень много.

Ремарка! Обязательно продегустируйте молочные продукты, путешествия по Бельгии – это будет одна из самых вкусных дегустаций.

Сумка приятно оттягивала руку, я предвкушала ужин и завтрак, об обеде уже не думала, когда перед глазами возник бельгийский социальный недостаток. Бодро прошагав мимо личного ориентира, я вошла в свой район и, пройдя две зеленые лужайки, остановилась. Со всех сторон меня окружили совершенно одинаковые домики, газоны, калитки, занавески и асфальтированные тропки, петляющие среди всей этой пасторали.

Если бы у меня была возможность визжать, я бы это сделала, поскольку я заблудилась!

Сумка уже не так приятно оттягивала руку, желание посетить туалет любой ценой медленно переходило в фазу навязчивой идеи – и ни одного человека, кто мог бы мне помочь. Решив не останавливаться, я двинулась в путь по тропинкам мимо пушистых травяных ковров, окаймляющих двухэтажки, и лихорадочно пыталась найти выход из этой ситуации. Мне повезло! Я стала прислушиваться. Через минуту донеслось знакомое гоготание, и я пошла на звук. Гусь встретил меня победным кличем, вытянув шею и проверяя, не принесла ли я чего-нибудь вкусенького. Вокруг него сгруппировались куры и тоже стали заглядывать в руки. Этот маленький птичий двор, созданный соседом Марсель в тупике между домами, стал заботой целого квартала – птиц кормили все, но не из альтруистических побуждений – это были ходячие бульоны и жаркое на рождественские столы, которых потом купили у хозяина за полцены.

Poulet a bicyclette— деревенская курица

Согласно объяснениям, деревенская курица много двигается, поэтому жесткая и не жирная.

– Она, как велосипедистка, подтянутая, – объяснила мне Марселина.

Перепуганная хозяйка и соседи, которые решали-рядили, что делать и где меня искать, требовали объяснений – каким образом я сумела потеряться в их крошечном городке.

Я рассказывала, медленно поедая вкуснейший яблочный пирог. Теперь и вы сможете оценить мастерство Марселины.

Яблочный пирог с изюмом и миндалем от Марселины

Для его изготовления нам понадобится:

Мука – 200 грамм

Творог любой жирности (но лучше кремообразный) – 100 грамм

Масло сливочное (80%) – 80 грамм

Разрыхлитель для теста- 1 ч. ложка

Ванильный сахар

Соль

Для начинки:

Сметана (10% жирности) – 150 грамм

Яйца – 2 шт.

Крахмал кукурузный – 1 ст. ложка

Сахар – 70 грамм

Изюм – 80 грамм

Миндаль рубленый – 80 грамм

Лимонный сок – 4 ст. ложки

Ром, или другой алкоголь – 4 ст. ложки

Яблоки (желательно маленькие по размеру) – 500 грамм – 1 кг

Приступаем:

Первой на стол просеиваем муку, затем добавляем щепотку соли, разрыхлитель, творог и сильно охлажденное сливочное масло, натертое на крупной терке. Тесто вымешиваем быстро подушечками пальцев, пока не будет однородной массы, скатываем в шар, заворачиваем в пленку и убираем в холодильник.

Теперь настала очередь подготовить яблоки. Каждое почистите, разрежьте на половинки и выпуклую часть многократно надрежьте ножом. Тушите яблоки 5 минут с лимонным соком, 2 ст. ложками воды и 2 ст. ложками сахара. Ваниль, корица, гвоздика – по желанию. Изюм запарьте кипятком, дайте ему постоять 30 минут, слейте воду и залейте изюм алкоголем на минут 15.

Теперь можно включить духовку и нагреть ее до 180°C.

Тесто раскатайте тонким кругом, разъемную форму диаметром 24—26 см смажьте жиром, выложите тесто, сформировав бортик, часто наколите тесто вилкой и выпекайте 15 минут.

Выньте форму из духовки, дайте немножко остыть и покройте корж миндальной крошкой и изюмом, сверху выложите половинки яблок выпуклыми сторонами вверх. Теперь можете залить все это великолепие предварительно взбитой смесью сметаны, сахара, крахмала и яиц. Выпекайте пирог еще 40 минут.

Готовому пирогу дайте остыть и можете подавать на стол.

Приятного аппетита. Bon appétit

Шарлеруа Где грустил Наполеон?

Моя уверенность, что Шарлеруа будет красивее пригорода, разбилась о гранитную плитку этого мрачного города. Придавленный черным закопченным каменным сапогом бефруа, он кашлял, кряхтел и предавался серым и унылым воспоминаниям. Его мысли мрачны, как и само небо над ним, и никогда он не испытывал особой радости от жизни – ни когда работали шахты и по гудку его жители спускались в забои, ни сейчас. Узкие улочки, под завязку заполненные арабскими магазинами, арабскими кафе и арабскими парикмахерскими, вьются вокруг этой громадины, Похоже, что здесь мало кто работает: подпирая стены, хозяева лавочек лениво провожают глазами прохожих, часами простаивая под порывами холодного ветра и изредка переговариваясь с друзьями.

Вырываясь из спирали улиц, попадаю на площадь, рассматриваю собор и пытаюсь найти аутентичное бельгийское кафе. Пока это сложно. Со стены одного из домов на меня печально

смотрит Наполеон – похоже, это все, что осталось от героического прошлого города, не считая медной таблички, что в этом доме он жил несколько месяцев перед боем в Ватерлоо.

– Послушай, у тебя же такое удивительное прошлое! Наполеон, Ватерлоо! Великий полководец был здесь! Откуда столько пессимизма?! Почему у тебя депрессия?

– Ну и что, – пожимает он плечами, – какое мне до этого дело? Сегодня Наполеон, завтра кто-то другой... А чему радоваться? Не вижу повода...

Он откашливается, закуривает самокрутку, поднимает воротник шахтерской брезентовой куртки и поворачивается ко мне спиной. Обескураженная, откровенно не понимающая, где же я нахожусь – в Бельгии или же все-таки меня ночью занесло на Восток – я продолжаю исследовать город, который не меняет своего первого впечатления. Не спасает ни пассаж, ни прекрасный книжный магазин, ни букинистическая лавка со знаменитыми бельгийскими комиксами. Антикварный магазин закрыт на ключ, хотя внутри горит свет, под аккуратным звоночком мелкими буквами выписаны часы работы. Нажимаю кнопку, через несколько минут из глубины зала появляется пожилая сухопарая дама. Внимательно окинув меня взглядом сквозь витринное стекло, она приоткрывает дверь, ровно настолько, чтобы я могла протиснуться боком внутрь и приглашает войти.

Здесь, среди удивительных, но безумно дорогих старинных безделушек, я покупаю шоколад.

– Мадам не пожалеет – это шоколад, который производится только у нас еще с 1817 года, – быстро говорит хозяйка, упаковывая мне маленькую коробочку. Что-нибудь еще, мадам? – спрашивает она так, для поддержания сервиса на хорошем уровне.

– Нет, благодарю, вас, мадам. Разрешите, я просто посмотрю?

– Конечно, мадам, – отвечает мне хозяйка магазина, но в голосе я читаю разочарование и напряженность, словно там, на втором этаже на плите у нее кипит суп, и я отвлекла ее от кухонного священнодействия, да при этом ничего не купила. Пять евро за четыре крошечные конфетки – не в счет.

Рассмотреть многое не удастся: хозяйка, переминаясь с ноги на ногу, фактически ждет меня у дверей, я прощаюсь.

Стеклянная створка вновь приоткрывается ровно настолько, чтобы я опять протиснулась боком, но уже в обратном направлении – на улицу. Магазины явно относятся ко вражескому стану, учитывая, что он единственный не восточный на несколько улиц. За спиной я слышу поворот ключа.

Опять площадь, визуальное разделяющая шахтерскую столицу на две части. Эта демонстрирует современность, правда, тоже слегка уже устаревшую – эпоха 70-х: рубленые монументальные здания, безликие коробки, в которых, по задумкам архитекторов, ничего не должно отвлекать от созерцания картин, фотографий или других произведений искусства. Памятник шахтерам тоже выполнен в этом стиле. Откровенно говоря, огромные торчащие из куба позеленевшие от влаги медные руки, тянущиеся к небу, служат последним штрихом, завершающим образ города, который никогда не мог с уверенностью сказать, чей он – поскольку спокойно отдавал свою территорию испанцам, австрийцам, французам, итальянцам, а теперь жителям далекого Востока.

«...Какое странное название – „Дом 8 часов“. Ну, если нет арабской вязи и все на французском, значит я нашла настоящее бельгийское кафе...»

Несмотря на проспект и все старания официанта-поляка, а также хозяина-итальянца, выяснить, откуда все-таки у кафе такое оригинальное название, не удалось.

Длинные, мрачные, словно закопченные паровозным дымом, вагоны-залы тянутся и тянутся, простаивая в ожидании «угля» для черной паровозной топки. Тусклые лампочки на стенах делают лица немногочисленных посетителей серыми и почему-то вытянутыми, очерчивая и прорезая еще глубже их морщины. Старые, глубокие, обитые красной эрзац-кожей диваны с высокими деревянными спинками графят помещения на маленькие квадратики, пытаюсь таким образом дать хоть немного уюта и приватности посетителям.

– Нет-нет, мадам, не садитесь здесь! Тут дует, а вам нужно согреться, идите за мной.

Я располагаюсь в глубине зала, в той его части, которая полностью тонет в полумраке и где с трудом можно разглядеть заказ. Этот «паровоз» остался стоять в 70-х, но, похоже, его кочегару совершенно безразлично: посетителей все устраивает, они не одобряют перемены, ведь стол, на который стотысячный раз проливалось пиво, фактически стал родным за эти десятилетия. Да и потом, от ремонта и смены дизайнера меню одного из самых старых кафе города, которому насчитывается 80 лет, не станет другим.

– Мадам будет мороженое? – официант совершенно не скрывает своего удивления и даже возмущения моим непростительным поведением. – Простите, но это очень неудачный заказ – на улице идет снег, и вы можете простудиться, предлагаю все-таки что-то теплое, как на счет...

Я делаю заказ и впервые ем бельгийское национальное блюдо.

Это мой первый опыт и первая встреча с «Croque Madame». Я честно признаюсь в данном факте официанту, он передает эту новость повару, и вот уже оба на расстоянии наблюдают за мной и моей реакцией. Забегая вперед, пишу честно: мне понравилось это с таким милым названием блюдо – и своей простотой в приготовлении, и вкусом.

Рецепт «Croque Madame»

Возьмите два кусочка тостового хлеба. Поджарьте каждый с одной стороны. Смажьте один сливочным маслом, а другой горчицей либо же соусом на основе сливок (часто используют соус бешамель, пакетированный), майонезом. Сделайте бутерброд, расположив следующие ингредиенты в таком порядке: на хлеб, смазанный горчицей, положите ветчину, ломтик сыра, листик пекинской капусты, тертую репку, тертую морковь, лук и полейте все уксусом и соусом бешамель. Накройте бутерброд вторым кусочком хлеба, смазанным с внутренней стороны сливочным маслом. Отдельно поджарьте на сливочном масле одной яйцо и аккуратно переложите его на бутерброд так, чтобы желток не лопнул. Ваш французско-бельгийский перекус готов!

Bon appétit

... Чёрный, неуютный, узкий и мрачный. Хозяева постоянно думают – как же его убрать, этот чулан страны, но пока у них плохо получается. Пыль и паутина покрывают его вновь еще во время уборки, депрессия съедает. Музеи стекла, современного искусства, огромный стадион, выставки, аэропорт, вокзал, от которого отходят поезда во все уголки страны – все скучно, все не мило. Обыски и облавы среди бела дня в центре города – дело для полиции и горожан привычное.

Я останавливаюсь, не дыша. Большая, лоснящаяся, с переливающейся серой шёрсткой крыса медленно переходит дорогу от банка к набережной. Подняв свою мордочку, она внимательно смотрит на меня, но, не находя для себя ничего интересного, продолжает свой путь и исчезает за гранитным парашютом, окаймляющим реку.

Наблюдение! Идеальная чистота улиц при всей мрачности городов – отличительная черта Бельгии.

– Мадам, позолотите ручку, подайте пару евро на хлеб, детям нечего есть, – двое молодых парней, явно бомжующих, ослабившись, кидаются мне под ноги.

Этот спектакль разыгрывается здесь ежедневно ближе к обеду, не пройти мимо них невозможно – дальше вокзал. Отрицательно качаю головой и, не останавливаясь, иду дальше. Один из попрошайек машет мне рукой в знак приветствия – узнал. Похоже, я становлюсь «своей».

Ремарка! При всей кажущейся напряженности атмосферы, турист не является объектом внимания со стороны уличных преступников. Конфликты происходят здесь внутри группировок, исповедующих разные течения ислама, а также между местным криминалитетом, возникшим из бывших шахтеров, и пришлыми с Востока.

Сделав еще один круг, оплатив интернет, что достаточно проблематично, я решаюсь завершить свое путешествие, заглянув в книжный магазин. Красивый, большой, с отличным выбором на любой вкус и возраст, он привлекает не так уж и много посетителей.

– Да, любителей книг мало. Но что вы хотите, мадам? Такой город. – Сделав паузу и обдумав ситуацию, восклицает он, делая театральный жест в зал. – Но всё же читают!

Сквозь стекла очков на меня смотрят умные глаза директора магазина. Ахмед родом из Сирии, его вторая родина это Шарлеруа, тут он живет с семи лет. Домой я привезу книжку о том, как лев сильно хотел что-то изменить в своей причёске и что из этого получилось.

Автобус доставляет меня обратно в Монтени к гусям и Марселине.

Наблюдение! Бельгийская транспортная система идеальна, вы можете не знать ни один иностранный язык, но, благодаря удобному расположению остановок и электронным табло, легко доберетесь к месту назначения. Время прихода каждого автобуса на панели отсчитывается в обратном порядке. Автобусы ходят регулярно, не опаздывая и не ломаясь в пути. Проезд в автобусах достаточно дорогой.

Стоимость проезда Монтени-Шарлеруа – 2 евро 10 центов.

Здравствуй, Брюссель!

Или как я не шла «писающего мальчика»

Я сижу в крошечном кафе в старой части Брюсселя. Я в Брюсселе! Это не могу быть я – это другой человек путешествует по этому красивому городу.

У меня такое впечатление, будто передо мной развязался мешочек желаний, и они сыплются, и сыплются прямо под ноги, заставляя, тем самым, находиться постоянно в ощущении какой-то невесомости, в нечувствительности к реальности.

Золотые турецкие огурчики на фиолетовом шелке, золотые заклепки и множество золотых змеек в самых непредсказуемых места – это брюки. Огромные золотые львиные головы с разинутыми пастьями на черном фоне – это куртка. И, наконец, золотые пряжки, алый цвет и белая платформа – это обувь, надетая на босу ногу, как завершающий штрих королевского образа. Этот смельчак взорвал серый унылый утренний Шарлеруа. Пружинистой походкой, едва касаясь пола, он проследовал к окошку «Вестерн Юнион» и через несколько минут исчез, оставив полусонную публику в легком недоумении.

...Полупустой поезд плавно набрал скорость, за окном начали проплывать вылизанные крошечные городки, темно-бордовые черепичные крыши и земля, залитая водой. Дождь, опять дождь. Как все же при таком климате бельгийцам удается выращивать овощи, собирать урожай картошки, цинория и турнепса? И каким надо обладать терпением и трудолюбием, чтобы возделывать поля, больше напоминающие рисовые плантации в воде. Кажется, что крестьяне в этой стране находятся в вечном споре с дождем, и нет этому противостоянию конца.

Идеальные дворики с детскими горками и песочницами, остроконечные крыши с фигурными коньками, кирпичным, чуть выступающим декором, шпили с петушками, флюгеры, церкви... Природа постепенно исчезает, появляются многоэтажки, целые ряды железнодорожных путей, склады, трассы... Брюссель. На самом деле, такое описание пригорода, с незначительным отличием, – разрисованные граффити стены, старые вагоны на путях, дымящие трубы заводов вдалеке – всё это применимо к любому мегаполису, и столица Бельгии не исключение.

Людской поток мощной рекой устремляется через двери вокзала и разливается по улице, оставляя нас, будто после отлива, разбросанными на остановках автобусов-трамваев, ожидающими такси у края дороги.

Я оглядываюсь вокруг, складываю в голове вопрос о дороге, ведущей к центру города, ищу глазами, кому бы его задать, и... забываю обо всем. Там, впереди, раздвигая крыши зданий, уносится ввысь что-то торжественное и огромное. Мне непременно нужно туда попасть, прямо сейчас! Вот он – необъятный, гордый, знающий о своей красоте Сен-Мишель-э-Гюдюль (Cathédrale Saints-Michel-et-Gudule de Bruxelles). Я обхожу собор вокруг медленно, задрвав голову кверху, и рискуя в таком случае споткнуться и упасть. Но желание впитать всю его красоту глазами сильнее осторожности.

Собор становится моим личным открытием, открытием без ожидания, без предвкушения, чистым чудом. Именно так и необходимо путешествовать – ведь наша память хранит не картинки городов, а эмоции, которые мы испытывали, прикасаясь к прекрасному. Увиденное и услышанное, запахи и тактильные ощущения – вот наш банк памяти и наши барометры отношения к незнакомым городам, местам и странам.

Описать Брюссельский собор под силу разве что Виктору Гюго.

Это не просто символ веры небесного покровителя в любовь и человеческие возможности. Он – доказательство божественности происхождения красоты. Собор олицетворяет стремления, чистые помыслы, желания приподняться над землей и побуждает входящих под его своды задуматься об идеалах, без которых все брэнное перестает быть бессмертным.

На пляже малыш берёт мокрый песок и спускает его из сжатого кулачка вниз, наблюдая, какие причудливые формы приобретает этот материал под действием воды и его уси-

лий. И здесь творцам удалось повторить песчаную причудливость форм в готических башнях. К счастью для нас, океан жизненных неурядиц пощадил это творение, и не стер с лица земли, как пляжный замок. Его удивительным образом обошли стороной революции и войны. Три столетия потратили на создание собора люди, добываясь воздушности, легкости, величественности и небесной чистоты в линиях – и у них получилось!

Теперь собор стоит, окруженный лаконичными по архитектуре фундаментальными современными зданиями, не давящими на него своей бетонной массой. Кажется, будто они, в свое время, испросили у Сен-Мишель-э-Гюдюль разрешение встать рядом, не вторгаясь в его пространство, а поддерживая со всех сторон и выступая в роли союзников, доказывая всем своим видом, что современность может быть не только вражеской армией, вытесняющей старину.

Я ничего больше не хочу, кроме одного – подняться по ступеням и войти внутрь. Я одна, мне дано право единолично наслаждаться творением великих скульпторов и художников, и при этом слушать свое сердце и душу, откликающуюся на шедевры мастеров прошлого.

Зодчие добились невозможного – внутри собора не ощущается стен, он наполнен воздухом, которого так же много, как и света, струящегося из огромных стрельчатых окон. Он молод и любит петь. Его можно услышать, если закрыть глаза и просто прислушаться. Время не стало его бременем, напротив – собор научился с ним дружить, и теперь оно уже не отсчитывает срок его существования.

.....

– Мадам желает что-нибудь к кофе?

– Что-нибудь бельгийское, национальное.

– Простите мадам, но у нас в ассортименте только турецкие сладости и булочки. Будете?

Приятная турчанка моего возраста вздыхает с сожалением и подвигает мне чашечку эспрессо.

.....

Я пью кофе, рассматриваю витрину дорогого магазина игрушек и прихожу в себя от увиденного.

Эмоциональная буря, вызванная красотой Собора и сокровищ Пассажа, постепенно успокаивается, и вот уже в душе намечается штиль и милые барашки.

Да... Пассаж, он же – Королевские галереи Св. Юбера, он же «зонт Брюсселя» – нельзя обойти, нельзя не зайти, нельзя не заметить. Это центральный шлюз исторической части города, через который проходят кораблики, попадая из 21 столетия в серебряный век.

Тут все из сказки, из другой жизни, из романов о милых барышнях и отважных гусаках, тут что-то такое, что заставляет нас всех невольно вздыхать по утраченной эпохе изящества. Мужские кепи, шляпы и трости! Трости с серебряными набалдашниками в виде головы собаки, льва, или же лисицы, обувь для дам – мягкая, удобная, со средним каблукком. Бутик по соседству предлагает кожаные сумочки с драгоценными застежками, жемчужные ожерелья и платки. Ох уж этот важный аксессуар, который, пожалуй, способны с неповторимым шармом повязывать только бельгийки и француженки.

А вот и магазин кружев, ручная работа, внушительные цифры на ценниках и большое количество покупателей. Сам магазин, больше напоминающий музей, пахнет лавандой – она разложена в льняные саше с кружевными оборочками, которые выглядывают из выдвинутых ящичков старинных комодов и украшают полки с бельем ручной работы. А вокруг пенятся кружева – знаменитые валлонские кружева. Чехольчики на хлебницы, скатерти и занавески, салфетки обеденные и для торжественных приёмов, кружева под стеклом для украшения стен и накидки – для коробочек с рукоделием. Бутик держат два брата-близнеца – пухлые, высокие, с вежливостью мопассановских приказчиков, они терпеливо обслуживают покупательниц,

объясняя и разъясняя правила ухода за драгоценными кружевами. Выплываю из кружевного моря, и, еще не совсем оправившись от увиденного, попадаю в царство шоколада. Шоколатье за витринным стеклом создают «haut-couture» на глазах у изумленной публики, посыпая конфеты золотыми лепестками, или же серебряной пылью.

Все это выносится в зал, где толпятся у касс, предвкушая вкус, туристы. Я не буду расписывать вкусовые качества бельгийского шоколада, поскольку это такая деликатная область, что у каждого тут должны произойти личные открытия.

Кофе допит. Ответ на вопрос «Какой же он Брюссель?», кажется, найден: полноватый добряк, дружащий с головой, но далеко не простак, не скупой и чванливый бургер, но и не транжира и мот, во всем любящий меру. И он жестом предлагает мне отправиться дальше.

– Ну, ведь это не все, у меня тут в запасе еще парочка мест, если, конечно, интересно! Не засиживайся! Ты же до сих пор не попробовала мой шоколад!

Он не желает размениваться на мелкие упреки, ему важно, чтобы я увидела его город. Он уходит вперед, а я спешу за ним. Впереди меня ждет еще одно открытие!

Вот оно, «чрево Брюсселя» – вот где расположено, как оказалось, царство устриц. Они в каждом ресторане, а ресторанов здесь не сосчитать.

– Мадам, зайдите на минутку, вы просто посмотрите, какие у нас устрицы. Не надо ничего заказывать, просто загляните сюда.

– Сейчас не могу, но давайте так: я немного погуляю по площади, а затем вернусь и скажу вам, что мое сердце с вами. Согласны?

– Конечно, мадам, я буду ждать.

Мне посылают воздушный поцелуй, я прохожу несколько шагов, и тут только меня озаряет: я говорила на французском, я понимала, что говорят мне, и отвечала!

От этой мысли пришлось даже остановиться – ведь для меня это было чем-то новым.

Цены одинаковые! Фактически вы выбираете место не по цене, а по дизайну и меню дня.

Устрицы, несмотря на то, что являются национальным блюдом, имеют достаточно демократичную стоимость.

Вдалеке я вижу спину Хранителя, его слегка потертый бархатный пиджак, широкую шею и кепку в мелкую клетку. Он приостановился, ожидая меня.

Иду, но медленно, наблюдая за людьми. Восточные семьи больше делают сэлфи и групповые фото с детьми, при этом не посещают музеи, японские и китайские туристы очень внимательно слушают гидов, и только получив всю информацию, приступают к священнодействию: снимают все подряд. Французские и немецкие медленно и степенно обходят все достопримечательности, наслаждаясь ничегонеделаньем, а вечером, как говорится, отрываются по полной в ресторанчиках, спеша наверстать упущенное за день.

Мой девиз: «Я не говорю по-французски, но я говорю!» За несколько дней речевой гул вдруг стал дробиться на слова, жду следующего этапа – полного понимания речи. Уху нужно время, чтобы настроиться на времена глаголов.

Ремарка! Брюссельцы, как и другие франкоязычные жители Бельгии, говорят четко, красиво и достаточно медленно. Они всегда попытаются вслушаться в ваш вопрос, и никогда не пожмут плечами с фразой: «Не понимаю».

О том, что площадь с золотыми домами фигурирует в каждом туристическом справочнике, я вспомнила только после шока, который испытала от увиденного. Я просто ехала в Брюссель, не готовясь специально к чудесам, а предоставляя право городу удивить меня! И Хранитель Брюсселя действительно совершил маленькое чудо – вывел меня прямо на «Гран-пляс», оставив в немом шоке посреди всего этого великолепия. Я стояла в безмолвном изумлении, силясь понять, на что же она похожа по ощущениям? Ну, представьте себе, что вы находите волшебную конфету, съедаете ее, уменьшаетесь в размерах до величины муравья и попадаете в золотую шкатулку. В ней горит и сияет все, несмотря на пасмурное небо: от колонн до золотых птиц, которыми украшены фасады зданий. Поразительно, но дождь не мешает этому свечению, напротив, в миллионах его капелек отражается драгоценный металл. И вот уже вам кажется, что золотой дождь пролился и на вас. Медленно кружите вы по площади, не в силах вырваться из ее объятий. Ваши воспоминания – ее пленники! Ту ли цель преследовали заказчики, подписывая архитекторам чертежи и макеты будущих зданий, неизвестно. Передо мной – скульптура золотой гусыни, украшающая вход в здание, и скромная табличка «Здесь жил Виктор Гюго». Сам Виктор Гюго! Порывшись в справочниках уже после поездки, обнаружила, что был он здесь в ссылке и не один, а с Жюльеттой (одной из многочисленных его любовниц, прим. Автора), которая, дабы сохранить приличия, жила отдельно. Но, как утверждают источники, великий писатель при этом ежедневно писал письма жене с заверениями в любви и параллельно с ними сочинял пьесу, ставшую впоследствии достаточно знаменитой.

Я стою под маленьким балкончиком в переулке, засунув мокрый зонтик под мышку, наслаждаюсь вкуснотой: бисквитная вафля, политая горячим шоколадом, заставляет меня жмуриться от удовольствия. Порция вафли, с любой из десяти начинок, стоит один евро. Роскошь за небольшие деньги – таков подарок Брюсселя всем, кто выдержал испытание сыростью. Я медленно ем эту национальную сладость крошечной вилочкой и, от нечего делать, рассматриваю группу китайских туристов, которые больше напоминают стайку маленьких птичек с ярким оперением, чем людей. Они пробегают мимо меня, выискивая укрытие от вновь начавшегося дождя, а я остаюсь, вспоминая только что увиденное в музее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.